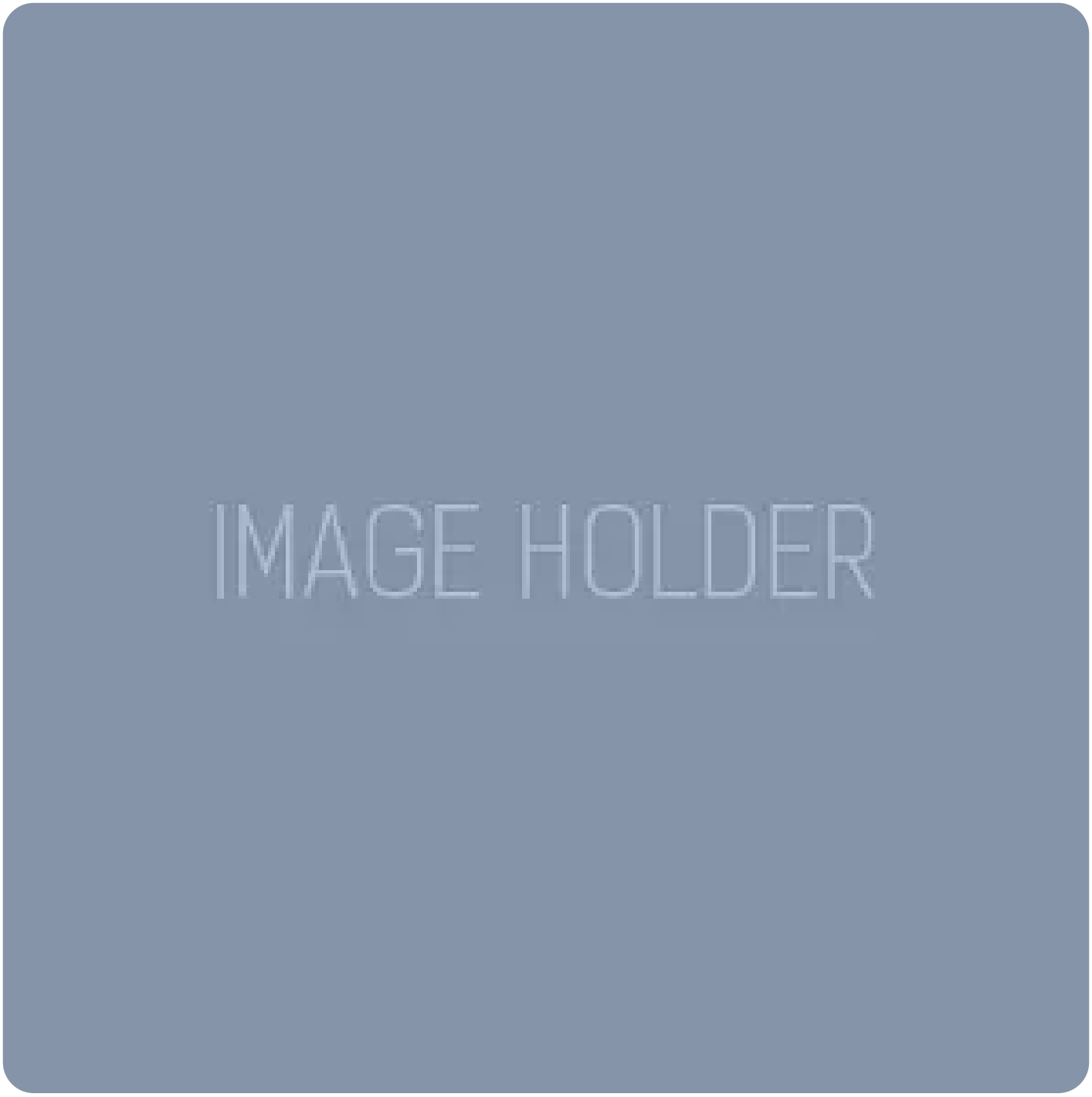

Лабиринт

Жанр произведения: Проза

Произведение написал автор BookBox Дмитрий Рыжук

Ссылка на публикацию

В любой непонятности, в которую, бывало, я загонял себя сам, не мог найти ни единого выхода. Ни одного. Даже тяжёлого пути не было. Будь я один или с кем-нибудь, где бы ни оказался или в каком-нибудь происшествии, я всегда оставался последним проигравшим, независимо от того, какая была ситуация. А

что касается удачи — это слово мне неизвестно. Я не знаю, что такое удача. Это не про меня. Я скорее неудачник, пытающийся с огромной неспособностью выбраться из чего-то (неважно, прикладывая на то силы или нет). Казалось, всевозможные предоставленные способы, дающие мне надежду на выход, становились путём нерешительности. Стечения обстоятельств, которые так и назывались счастливыми случайностями (то есть, как раз-таки везением), для меня были чем-то невероятным. Ещё ни разу в моей жизни не было такого, чтобы я находил пути отхода из неприятностей благодаря удачному везению. Странно ли это? Думаю, что да! Человеку, которому везёт раз за разом, — это везучесть. Человеку, которому не может повезти, — это странность. Или же тут дело в обстоятельствах? Люди это находят в ежедневном быту, в то время как я не нахожу вообще, и меня оно не находит. Вряд ли или наверняка — чрезвычайно редкое явление, как везение, проявляющее себя относительно периодически, заставляло меня внезапно врасплох.

Та тягость безвыходных положений стала сгущаться надо мной. Я научился плутать в этом лабиринте безвыходности, в котором нет никакой пользы от моего решения и желания выбраться без какого-либо чуда. Каждый раз, пытаясь вернуться назад, коридоры лабиринта незаметно менялись, стирая все мною оставленные следы и оставляя меня только в этом вечном, сводящем с ума, всегда повторяющемся круг за кругом цикле. Я двигался, а коридоры сужались. Я закрывал глаза, затаивал дыхание, но всё было прежним. Я был слеп, но продолжал смотреть, не понимая, куда направлен мой взор. И я бежал, не ведая ничего светлого. Мне не было страшно, лишь привыкание и удивление меня больше всего интересовали.

Восприятие действительности и та бездна воспоминаний, иногда проявляющаяся ярче и пуще всего, уже ставшие встречаться реже и реже, не давали мне познать тот или иной несуществующий для меня выход. Стены, казавшиеся прочнее и нерушимее, чем мои не стальные и едва привыкающие нервы. Моих сил было недостаточно, чтобы разрушить и развеять иллюзии, в которые я впал. Я, ставший растворяться внутри прочных стен лабиринта, как дешевый кофе "три в одном", — быстро и легко. Я всматривался в само светящееся ярко-красным цветом табло, где было написано красным по белому — выход, но как будто не мог различить и найти его; будто между мной и ним разделяла пропасть, из которой тоже не было выхода. Стоило мне приблизиться, все оборачивалось тем, что я шел по кругу, и все повторялось вновь и вновь. Я все шел и шел, но никак не мог дойти и выбраться. Все это описывало мою реальную жизнь, и дверь, та самая дверь, будет всегда моим единственным выходом.

Отсюда вопрос: а хотел ли я?

Все эти события, удачно не выбранного выхода, связывали меня, как безысходность.

Может, стоит следовать правилу: «Будь что будет»? Или нет?

Лес, сырой и серо-мрачный, окутанный влажным туманом; дряблая и старая дверь, на которой был лишь один знак выхода, мерещилась в едва разглядываемой округе моего досягаемого взора, и где с каждой минутой появлялась напротив.

Я, блуждающий в этом лабиринте миллионов гигантов — деревьев, понимал, что мои попытки и желания найти выход в этом нескончаемом месте, где кругом лишь туманность, равнины и эти громадные деревья, будут на сто один процент безнадежного настроя на возвращение.

Густой туман, с жадностью поглощающий все светлое вокруг, превратился в огромную волну, подобно цунами, что вот-вот меня сотрет с лица земли. Среди этой ловушки я был ничтожно мал, песчинка среди всех песков мира, будто меня и нет.

Я брел без определения времени, не зная, сколько прошло и сколько еще должно пройти. Я бродил вразброд и расплывался вширь сквозь могучие деревья, выглядевшие пугающе одинаково. На них не было ни единого гнездышка, не слышно было пения птиц и никакого падающего вида животного. Даже тени я не мог заметить от исчезнувшего специально от меня солнечного луча. Растения не казались мне живыми, но и не были мертвы, точно во сне.

Я, шедший без какого-либо курса, будто у меня не могло быть цели. Не было ни одного сигнала, хотя бы слабого, не было и карты. Всякое более или менее живое старание неизменно возвращало меня круги своя.

Найду ли какое-нибудь правило? Сумею ли обмануть это проклятое место с вечно остановленным временем?

Ощущения складывались так, что мною пройденный путь составлял десятки миль, и что прошло больше суток, а может, и несколько. Но я, не чувствующий усталости, продолжал идти. С каждым моим приближением к этой старой двери, которая мелькала перед моими глазами то каждую минуту, то через определенный отрезок времени, как будто по расписанию, она, проявляющая себя в разных туманных, как молоко, местах, тут же испарялась. Мне было предельно ясно, что это мое воображение, но при этом я ее почему-то считал

символом свободы. При каждом подходящем и удобном случае открыть ее, она мгновенно исчезала, не давая и шанса, и неизвестно, что было за ней. Других странностей моего воображения не привиделось, как и не было попыток выйти из всего этого кошмара. Только я и видение двери, и окружавший меня, как сон, ужасный лес.

Мои шаги были настолько тихими, что я едва их слышал. Листья не шуршали под ногами, ветки не ломались, никаких посторонних шумов, только мое тяжелое дыхание. Затяжные и глубокие вдохи этой туманной влаги были осязаемы моей, каждый раз разрезающей, подобно сабле, рукой. Да такой влажности, что она могла утолять мою нужду в ныне не ощущаемой жажде.

Я все еще блуждал кругами, пока не решился идти не сворачивая. Куда бы ни привели меня запутанные и маловидные тропы, что терялись под опавшими осенними листьями. Я должен был во что-нибудь упереться. Паника, которая, по всей видимости, должна была охватывать меня изначально, отступила. Покинула меня. Ее нет. Лес, будучи, казалось, живее меня, небрежно играл со мной — с не обессилевшим путником. Во мне было столько энергии, будто каждое мое движение меня заряжало. Удивительно, как я был спокоен или смирен со случившимся, что в серой пелене, где был только запах сырой коры, я подумал: "Насколько вероятен шанс, что меня кто-то вообще ищет?" Право, никто, по всей видимости! (Насколько я не был бы уверен, мог и ошибаться).

Глядя на верхушки обвисших и длинных веток деревьев, которые развевались наверху от ветра, я, запнувшись о выпирающий корень, резким движением отдалился на метр от того места, где споткнулся. Чуть приподняв голову, я увидел скалистую местность. Расстояние, которое мне стоило преодолеть, занимало не более трехсот метров. Судя по тому, как мой мозг рисовал ложные картинки, я отказывался воспринимать это, но все равно отправился, чтобы убедиться в очередной иллюзии. Что мне еще оставалось, кроме как быть забредшим?

Не пройдя и трети расстояния от той точки, где было обнаружено мною местоположение скал, у меня началось странное чувство, похожее на дежавю, которое, в свою очередь, проявлялось во мне по несколько раз ежеминутно. Прожитый и увиденный вновь момент, как тот момент, когда что-то было знакомое. Не складывающийся в моей головной коробке пазл, похожий явственным явлением, был настолько настоящей явью, что я был запутан. Я был в полном смятении и замешательстве.

Меня охватило отчаяние, но я смирился с тем, что могло меня ожидать. Однако реальность оказалась не такой страшной, и горечь моих ожиданий не

оправдалась — всё оказалось совсем иначе.

Туманность рассеялась, и тихий шум ручья ласкал мой слух. Он, кристально-чистый ключ, прозрачный, с прохладной, как слабо замершее стекло, покрывшийся инеем, протекал поодаль от самых скал. Я был счастлив, но счастливее был тогда, когда незамедлительно решился по нему идти, сразу же после того, как жадно проглатывал эту жизненно необходимую жидкость. Я был готов выпить её всю, но не из жажды, а из радости. Я видел своё отражение, и даже оно меня радовало, хотя никогда собой не восхищался, глядя в зеркало.

Спустившись по невысокому склону ручья, я увидел какой-то промежуток, разделённый между деревьями с одной стороны и другой. Он напоминал мне дорогу. Я побрёл в её сторону. По времени это не занимало и пяти-семи минут. Опомнившись, я стоял у самой дороги, понимая, что мне предстоит долгий путь — путь к тому самому выходу.

Я вышел на асфальтированную федеральную трассу, по бокам которой были миллиарды похожих деревьев этого нескончаемого, всюду окружавшего меня леса. Они ничем не отличались, в точности приходились друг другу как одноликие близнецы. Как одна раса. Не было ни одной проезжающей мимо машины вот уже целых два часа — с тех пор, как я находился здесь. Я не знал, сколько прошло и сколько сейчас, мне приходилось гадать, так как часов у меня не было.

Всемирное светило, солнце, было видно, как из тумана оно стало пробиваться сквозь прочную пленку густоты, накрывшую меня. Я еще ни разу не выходил победителем, не делал все правильно и не находил невозможных и возможных выходов.

Я шел, пока не стер подошвы, и мои намозоленные пальцы ног только усиливали боль стараний, чтобы выбраться. Я продолжал идти еще и еще, как вдруг громкий звук прорезал мой слух, и я очнулся. Я был весь с ног до головы в холодном поту, с животной жаждой. Без чувств и с каменным лицом, которое описывало все мое непонимание, я стал понемногу размышлять. Сон, это был всего лишь сон, такой реалистичный и долгий, как вечность — сон, который описывал всю безвыходность моей жизни.

Но почему связывающий меня и лесной лабиринт сон вдруг подавал какие-то сигналы, признаком которых было странное чувство, будто я переживал подобное? Быть может, когда я не справлялся и не мог выбираться, скажем, из простейших положений, и не искал иных путей, он показал мне ту иллюзию, которая впоследствии стала реальным пройденным этапом моей жизни и

усвоенным уроком?

Я не помню, как оказался в этой бескрайней внутренности леса, беспощадно поглотившей меня!

Череда различных моих случаев — это совершенно другое, с малой каплей схожести, но именно это пережитое мною событие во многом оставило желать лучшего (в крайней степени для меня), где каждый прожитый мною день — новая пишущая глава моей истории, запачканной с самой первой страницы.